

Борис ЕФРЕМОВ

ДАЙ БОГ, ЖИВЫМ УЗРЕТЬ ХРИСТА

Эссе о творчестве Евг. Евтушенко

Борис Алексеевич Ефремов
ДАЙ БОГ, ЖИВЫМ
УЗРЕТЬ ХРИСТА. Эссе о
творчестве Евгения Евтушенко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42804483

SelfPub; 2019

Аннотация

«Моя фамилия – Россия, а Евтушенко – псевдоним». Это не самовозвеличивание поэта, а точнейшая самооценка, отражающая действительно состоявшийся факт. Евгений Александрович всей своей жизнью, всем своим творчеством не только отразил жизнь прошлой и современной России, но и показал пока ещё застрявшего в нерешительности народу нашему пример спасительного похода к Истине, к Богу, а значит – в ту далёкую страну, которая называется Вечностью. Автор этого эссе, поэт Борис Ефремов, внимательно прослеживает сложный путь духовного взросления одного из самых ярких поэтов современности.

Борис ЕФРЕМОВ

ДАЙ БОГ, ЖИВЫМ УЗРЕТЬ ХРИСТА...

Эссе о творчестве Евг. Евтушенко

1.

Не так давно в одной из телепередач то ли дочь, то ли жена Роберта Рождественского сказала, что в прославленной когорте «шестидесятников» никто в Бога не верил, все были убеждёнными атеистами. Только вряд ли это так. Перед уходом Роберт Иванович написал стихи о быстротечной земной жизни, а там строчки:

Да за что ж это, Господи?!

Быстро-то как...

У настоящих поэтов понапрасну слова не рождаются, и «Господи», написанное с заглавной буквы, немало значит. А потом – крестившийся в Париже Булат Окуджава. А стихотворение Евгения Евтушенко «Дай Бог!», ставшее песней? Впрочем, сегодня речь только о лидере того славного содружества литераторов. О лидере заслуженном. О лидере по воле Божьей.

97 лет назад Александр Блок, тщательно изучив творчество Пушкина, написал статью «Назначение поэта», в которой обозначил живые составляющие настоящей, высокой поэзии. **Первое**, с чего начинается творческий процесс, это ответственный выбор созвучной сердцу темы в сфере Божественных идей. Не просто идей, а Божественных (!), особо важных не только для поэта, но и для большинства людей. **Второе**, – осмысление темы, духовный настрой, поиск начальных поэтических строк. **Третье**, – создание произведения. **И четвёртое**, – донесение его до читателей. Вот четыре живых составляющих творчества и, соответственно, обязанностей, долга литератора.

Все эти части, рабочие циклы, важны и незаменимы. Но главенствует надо всем (понятно, при наличии дара Небесного) **выбор темы**. Если тема будет взята из сферы Божественной, будет соответствовать Христовой Истине, написана будет по высоким нравственным требованиям, то непременно появится произведение значимое, глубокое, талантливое, то есть созданное с непосредственной помощью Духа Святого. А если литератор, даже высоко одарённый Создателем, возьмёт тему из мусора (по определению Ахматовой), из земных страстей и сует, и тем более хромящих на предмет нравственности, то стихи или проза в число настоящих шедевров не попадут. Они, даже читаемые с наивысшим интересом, будут служить сатане, а не Богу, – не Исти-

не, не духовному росту людей, нации, страны. Вот почему в этом эссе мы особое внимание уделим **знанию сочинителя Божественной Истины**, которая широко и глубоко постигается только при наличии чистой, душевной и осознанной веры в Бога, Христа, который сказал о Себе: **«Я есть путь и истина и жизнь»**.

Иными словами, мы будем говорить о поэзии высокой, по-настоящему талантливой и по-настоящему православной. Постараемся проследить путь Евгения Евтушенко, бесспорно, самого значимого поэта наших дней, от стихов по-светскому хорошим до стихов отличных по-православному. Путь этот, сразу скажем, был не простым, извилистым, трудным. Но таким же была стезя и Александра Сергеевича Пушкина. И этим она особо дорога нам, русским. И этим же дорога нам творческая дорога Евтушенко. (Мы допускаем эту необычную параллель, это смелое сравнение, поскольку они, думается, имеют под собой незыблемое основание).

Когда Господь награждает кого-то из людей Своим даром, Он знает, кому его дать и в каком количестве, сможет ли избранный выполнить поставленную перед ним непростую задачу. Евгению Евтушенко талант был отпущен удивительно щедрый и значимый. Можно сказать – тройной. От отца генетически перешли к нему немалые способности мыслить и говорить стихами (отец был весьма неплохим поэтом); от ма-

тери – талант чувствовать и понимать гармонию, музыкальность, артистичность, пользоваться ими в поэтической работе (мать была пианисткой, певицей, тонким ценителем стихов); а Господь – наградил даром иметь таких родителей и уникальнейшим даром поэтическим: максимально доходчиво и душевно отражать не только свои переживания, но и всю (именно всю!) жизнь российскую и жизнь современного многогранного мира. Творец знал, что поэт, преодолев величайшие трудности советского режима, придёт к Его Истине, и даже до этого прихода, в совокупности своих сочинений, сумеет честно отразить российскую действительность, с её плюсами и минусами.

В пять лет, за четыре года до начала войны, когда сверстники, чуть постарше, играли в Чапаева и беляков, Женя написал поразительно провидческие стихи:

Я проснулся рано-рано
и стал думать, кем мне быть.
Захотел я стать пиратом,
грабить корабли.

Почему эти детские строчки стали пророческими – об этом чуть позже. А пока ещё пару примеров из «зелёной поры» Евтушенко.

Почему такая стужа?
Почему дышу с трудом?
Потому что тётя Лужа
Стала толстым дядей Льдом. – *(Автору семь лет).*

А вот четверостишие, написанное в конце войны:

На войне не надо плакать.
На войне во все века
так черства у хлеба мякоть,
а земля могил мягка.

Тут прямо-таки главные направления в его будущем, густом, как августовское небо, творчестве – откровения о себе, точное, образное видение природы, боль за тяжелую судьбу русского народа.

Читатели не без основания удивляются ранней зрелости поэта. А, вообще-то, удивляться нечему. Могучие таланты требуют быстрого, раннего вызревания. Пушкин, Лермонтов, Есенин... Евтушенко, думается, можно уверенно приписать к российскому поэтическому созвездию. Уже только за одно это юношеское прозрение послевоенной жизни России, сложного взаимопроникновения молодых и пожилых лет, стремление к полёту души, даже если земная суета не даёт подняться в небо.

Стоял вагон, выдавший виды,
где шлаком выложен откос.
До буферов травой обвитый,
он по колёса в землю врос.

Он домом стал. В нём люди жили.
Он долго был для них чужим.
Потом привыкли. Печь сложили,
чтоб в нём теплее было им.

Потом – обойные разводы.
Потом – герани на окне.
Потом расставили комоды.
Потом прикрепили к стене

Открытки с видами прибоев.
Хотели сделать, чтобы он
в геранях их и в их обоях
не вспоминал, что он – вагон.

Но память к нам неумолима,
и он не мог заснуть, когда
в огнях, свистках и ключьях дыма
летели мимо поезда.

Дыханье их его касалось.
Совсем был рядом их маршрут.
Они гудели, и казалось —
они с собой его берут.

Но сколько он ни тратил силы —
колёс не мог поднять своих.
Его земля за них схватила,
и лебеда вцепилась в них.

А были дни, когда сквозь чащи,
сквозь ветер, песни и огни
и он летел навстречу счастью,
шатая голосом плетни.

Теперь не ринуться куда-то.
Теперь он с места не сойдёт.
*И неподвижность – как расплата
за молодой его полёт.*

Представители нынешних поколений России, пожалуй, этот факт и не знают, как тысячи селян и горожан ревмя ревели в день смерти Сталина. Боялись сказать худое слово против гулаговского режима в стране, а если говорили, то еле слышным шёпотом. И вот на тебе (ещё одна черта нашего менталитета!) – чистыми, сердечными слезами провожа-

ли в невозвратный путь «вождя всех времён и народов». Как же! Кто доведёт до коммунизма? Кто спасёт от бед неминуемых? – весь мир ополчился на нас, строителей «лучшей жизни». Плакали, жалели Иосифа Виссарионовича.

А молодой Евтушенко, отмечая эту невероятную любовь, сумел увидеть в уходе генералиссимуса такое, о чём говорить в то время было не принято и совсем не безопасно.

На этой Трубной, пенящейся, страшной,
где стиснули людей грузовики,
за жизнь дрались, как будто в рукопашной,
и под ногами гибли старики.

Хрустели позвонки под каблуками.
Прозрачный сквер лежал от нас правей,
и на дыхание, ставшем облаками,
качались тени мартовских ветвей.

Напраслиной вождя не обессудим,
но суд произошёл в день похорон,
когда шли люди к Сталину *по людям*,
а их *учил идти по людям* – он.

Стихи были написаны в день похорон, 13 марта 1953 года. Но удивляет не эта поэтически отточенная оперативность. А

то, что поэту-юноше удалось проникнуть в глубинную суть происшедшего. Ведь Евгений Евтушенко, как почти все тогда, не знал Божественной Истины, откровенно не верил в Бога, мечтал о коммунизме, «светлом будущем». Какое же чудо озарило беспокойный ум его, горячее молодое сердце? Постараемся ответить на этот вопрос в следующей главе.

2.

Легенду о Евтушенко-безбожнике создал не кто-то иной, а он сам. В начале своего сочинительства Женя (тогда его по-другому и не звали) опубликовал удивительно яркое, поразительно сильное по технической завершенности и завидной по тем временам идейности стихотворение, начинавшееся так:

Пусть это выглядит дерзко,
но, в горн упоённо трубя,
я с самого раннего детства
считал коммунистом себя.

У наших костров негаснущих
с волненьем, навек дорогим,
мы в пионерских галстучках
пели партийный гимн...

По какой-то неведомой нам причине поэт не включил эти стихи в девятитомное, полное собрание поэтических произведений. А напрасно! Как всё здесь точно и жизненно верно, искренне. Почти все тогдашние мальчишки и девчонки пели у пионерских костров песни революции и горели желанием идти за торжество коммунизма и в огонь, и в воду.

Об этой своей святой верности юношеским идеалам Евтушенко за свою долгую жизнь повторит не раз, правда, в более зрелом возрасте уже с другим, трагическим акцентом, но до той поры надо было ещё дожить, многое пересмотреть в мировоззрении. А в начале пути, и чуть позднее, поэт пел, действительно, «упоённо»:

Лучшие из поколения,
цвести вам – не увядать!
Вашего покорения
Бедам не увидеть.

Разные будут случаи —
будьте сильны и дружны.
Вы ведь на то и лучшие —
выстоять вы должны.

Петь вам, от солнца жмуриться,
но будут и беды и боль...

Благословите на мужество,
благословите на бой!

Возьмите меня в наступление —
не упрекнёте ни в чём.
Лучшие из поколения,
возьмите меня трубачом.

Я буду трубить наступление,
ни нотой не изменю,
а если не хватит дыхания,
трубу на винтовку сменю.

Пускай, если даже погибну,
не сделав почти ничего,
строгие ваши губы
коснутся лба моего.

И здесь какое дивное пророчество случилось (к пророчеству первых виршей Жени мы ещё вернёмся)! Поэт обращается как бы к самым стойким борцам за коммунистические идеи; уже тогда он видел, как эти идеи извращаются в жизни и не мог не говорить в стихах о горячем отрицании этих извращений. Он уже тогда начал понимать, что хорошо для нашего народа, а что плохо. Для всего народа и для каждого простого русского в отдельности.

Казалось бы, такое раннее понимание в годы мощного партийного диктата в стране было невозможно. И оно было невозможно для многих. Но Евтушенко не был из числа многих, он был из числа призванных, из числа освящённых большим поэтическим талантом, из числа наделённых особой совестью – не побоимся сказать даже так: совестью гениев России – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Бунина, Есенина.

Именно эта совесть, вложенная Богом во всех людей, а с особой действенностью в людей избранных, до поры до времени является **заменителем незнания истин Христовых**, которые только и помогают видеть правду жизни и чётко отличать её от хитровой извращёнки – житейской лжи и хитроватого извращенца – зла. Но и болевая совесть, пусть не с такой силой, не с такой полнотой и глубиной, – даёт возможность не сказать, а прокричать о проблемах жизни, возникших в связи с отходом от заповедей Спасителя.

У литераторов, одарённых большим талантом, получается это весьма ярко, убедительно, хотя, как мы уже говорили, им пока неведомы Законы Вечности, заложенные в учении Христа. В двадцать четыре года Евгений Евтушенко написал о человеческой истории так, как большинство тогдашних историков и не думали о своём любимом предмете.

История – не только войны,
изобретенья и труды,
она – и запахи, и звоны,
и трепет веток и травы.

Её неверно понимают
Как только мудрость книжных груд.
Она и в том, как обнимают,
как пьют, смеются и поют.

В полёте лет, в событиях вещей,
во всём, что плещет и кипит,
и гул морей, и плечи женщин,
и плач детей, и звон копыт.

Сквозь все великие идеи
плывут и стонут голоса,
летят неясные виденья,
мерцают звёзды и глаза.

Совесь – шестикрылый серафим – заставила поэта глубоко исследовать явления, прежде чем написать о них. И это, к великому счастью и кропотливому, упорному труду Евтушенко, стало его душевным, а потом и духовным стержнем, а точнее живой его болью. Мир для него стал бытийствующим

щим, требующим понимания и сочувствия существом. Совесть по-другому его не понимала и по-другому понимать отказывалась. Потому что она не только шестикрылый серафим, но еще и предтеча Истины Христовой, которая готова прийти к нам, как только мы духовно к этому приходу созреем.

Где-то в самом начале шестидесятых годов композитор Дмитрий Шостакович, к тому времени уже ставший всемирно известным, занимался упорным поиском того, как выразить в музыке такую непростую, но жизненно важную данность, как совесть человеческая. Ему уже представлялась некая большая симфония, где бы удачно соседствовали оркестр, хор, голос и стихи. В море тогдашних стихов, далеко не лучших для поэзии, попадалось мало подходящего. И вдруг – ниагарское извержение совестливой поэзии Евтушенко! В книге о поэте, вышедшей недавно в серии «Жизнь замечательных людей», читаем:

«Дмитрий Шостакович звонит Евтушенко и просит разрешения написать музыку на «Бабий Яр». Правда, оказывается, что вчерне он уже кое-что сочинил. Евтушенко с женой приезжают к Шостаковичу домой. Он играет на рояле и поёт вокально-симфоническую поэму с одноимённым названием... Затем начинается разрастающаяся работа над сочинением – появляются новые части: «Юмор», «В мага-

зине», «Страхи» и «Карьера»... 18 декабря 1962 года состоялась премьера симфонии в Московской консерватории, играл филармонический оркестр под управлением Кирилла Кондрашина».

Сам поэт так вспоминает об этом событии: «Хотите – верьте, хотите – нет, но, слушая симфонию, я почти забыл, что слова были мои, – настолько меня захватила мощь оркестра и хора, да и, действительно, главное в этой симфонии – конечно, музыка».

Поэт отдал предпочтение в «Тринадцатой симфонии» Шостаковича музыке, но, кажется, ошибся. Произведение, в самом деле, звучит мощно, однако, к великому сожалению, здесь велика уступка модному веянию современности – поиску красоты в сфере нетрадиционной мелодики, мы бы так сказали, антимелодичного звучания, то есть на лицо уступка, к сожалению, осознанная композитором, назойливым лжезаконам пресловутой толерантности, недозволительной всеохватности, доходящей до губительного уравнивания добра и зла. Это уравнивание уже тогда нагло раздвигало и ломало классические традиции, как известно, тесно связанные с заповедями Спасителя. Особого расцвета явление это достигло в наши дни. Но вернёмся к симфонии на стихи героя нашего эссе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.